

Фотографии на столе

«Сергей, когда пишу эти строки, испытываю стыд. Обещал посмотреть картину, которую ты особенно любишь, о которой говорят как об удачной. Но не сумел. Более того, в условиях нашего проката у меня нет уверенности, что фильм Владимира Хотиненко «Патриотическая комедия», о котором идет речь, вообще попадет в поле моего зрения, а демонстрацию «для своих» я прозевал из-за занятости со студентами. Прости меня! Не увидев всего сделанного тобой, я, наверное, не имею права писать о твоём творчестве. Давай найдем компромисс, ты такой актер, о котором сразу всего не напишешь. Каждый раз удивляешься чему-то новому, что театр и кино открывают в тебе. Пусть на этот раз будет эскиз, первая попытка, первое приближение. Лично мы знакомы недавно, но непреодолимое желание высказаться я чувствую с тех давних пор, когда увидел тебя в водевилях, поставленных Театром имени Евгения Вахтангова, куда ты пришел после Щукинского училища. Мои эмоции сродни многократно описанному чувству восхищенного зрителя, ничего «ведческого» в нем нет, поэтому позволю...».

Мысленно произнося этот извинительный монолог, я всматриваюсь в фотографии Сергея Маковецкого, лежащие на моем столе. Позади наши встречи, разговоры, фрагменты которых я привожу ниже, и две подаренные мне фотографии. Специалисты по физиогномике считают, что лицо, снятое в профиль и в фас, открывает два разных лица человека, восстанавливает объем характера, позволяет проникнуть в его сущность. Маковецкий, сфотографированный в фас, прощает мне все, немного подетски застенчив и немного сам себя чувствует виноватым и чуть-чуть «раненым» моим неслестным отзывом о картине А. Павловского «Ребенок к ноябрю». Он-то и Лариса Удовиченко (предмет моего обожания) там хороши, но фильм...

Впрочем, речь о фотографии, на которой идеальное лицо артиста. В высоком смысле клоун, легко переходящий от слезы к смеху, от комедии положений к потрясающей трагедии маленького, милого, незащищенного человека. Простите громкое слово, поймите смысл: на фотографии актер с чаплиновским началом.

Когда я смотрел «Сукиных детей» Леонида Филатова, где Маковецкий играл актера из труппы, попавшей в беду, все время ловил себя на мысли, что все люди в кадре — персонажи, а Маковецкий — символ, столь обобщенно-артистично его лицо, столь вне бытовых подробностей его существование как фигуры, естественной лишь в сценическом или кинематографическом пространстве.

Может быть, фильм «Ребенок к ноябрю» раздражал меня именно тем, что использовал Удовиченку не по мере ее таланта, а Маковецкого — не по сути его призвания, вне эстетики его формы и существа.

Он исключителен, его нельзя погружать в «мелкий» быт и суетную бытийность, из него нельзя сделать ординарность, уничтожить его декоративность. На Маковецкого надо работать отдельно, чувствуя его энергетику и особый строй. Даже на улице, в потоке, он не теряется, этаким И. Т. с планеты «Театр» для тех, кто узнает, а для тех, кто не узнает, какой-то иностранец. Действительно, в нем есть что-то американское,

замеченное режиссерами: и в лице, и в той свободе «мышц спины», которая дается пятью поколениями, живущими «не скованными одной цепью». У него это природное — натур!

— Я родился в Киеве. Там закончил школу. Там живет моя мама.

— В Карпенко-Карого киевском театральном институте не учился? Я там немного преподавал, могли видеться.

— Нет, не учился, но я туда поступал после школы. Не поступил. Получил двойку по сочинению, что-то не сложилось. Потом год служил рабочим сцены в Театре имени Леси Украинки. Учился в «Щуке». В Москву, в Москву... «Щука» спасла меня от армии.

— Родители актеры?

— Нет, мама у меня всю жизнь работала на заводе «Вулкан», сейчас на пенсии. Это какое-то химическое производство.

— Говоришь по-украински?

— Говорю. Приезжаю к маме и говорю с ней.

— Чей же курс в Щукинском ты заканчивал?

— Курс Казанской. В выпускном спектакле по Шукшину «Штрихи к портрету» играл главную роль, и после показа мне сразу предложил Театр имени Вахтангова.

— Счастливая биография: от рабочего сцены до актера прославленного театра.

— Не скажи! Меня пригласили в труппу Театра Вахтангова, но, честно говоря, у меня был выбор. Можно было пойти в другой театр, но я боялся выбора и остался, естественно, в театре, при котором наше училище и существует. От добра добра не ищут. И сразу же стал играть в тех старинных русских водевилях, которые ты помнишь. Спектакль существовал десять лет! Десять лет я играл Карпа Силыча, потом спектакль сняли, а теперь снова восстановили.

— Сплошная удача!

— Я пою, танцую, многое умею, и после водевилей — моего дебюта — меня хвалили. Извини, это, может быть, не скромно, но правда. Хвалили, а в театре потом десять лет в тени, в массовке с алебардой. Есть сыгранные роли, а сколько несыгранных, Хлестаков, например, которого очень хотелось сыграть! А играл стражников. Эпизоды, групповка, массовка и все.

— Ты больше десяти лет в театре. Много главных ролей?

— Тринадцать лет. Основных ролей?

Три. В водевилях, потом в спектакле Михаила Ульянова «Скупщик детей» я играл тринадцатилетнего мальчика. Я, конечно, не играл мальчика, даже выходил к зрительному залу и тихо предупреждал, что я играю. Ход нравился зрителям. В театре меня хвалили и... доверили опять стоять с пикой в темном углу в «Марии Тюдор». Спустя много лет, наконец, вышел «из угла» и сыграл Шостаковича в пьесе «Уроки Мастера» в постановке Романа Виктюка.

— Обидно, что этот спектакль больше не идет. Тебе там удалась роль. Виктюк, наверное, твой режиссер. Галимар в спектакле «М. Баттерфляй» сделал тебя знаменитым, еще раз продемонстрировал не только драматические возможности (они были понятны), но и способность к солированию, ведению огромного сложнопостановочного, эмоционального спектакля. Меня твоё исполнение удивило расчетливостью. Ты очень опытно распределяешь во времени, постепенно набирая высоту соразмерно происходящему на сцене. Мне даже казалось, что при общей иллюстративности действия все токи драматизма в зрительный зал проходят через тебя. На родной театр обида есть!

— Ни грамма! После Галимара пришел Царевич Алексей в пьесе Горенштейна «Государь наш батюшка» в постановке прекрасного режиссера Петра Фоменко. Так что в нашем театре у меня действительно сейчас три большие роли.

— О Виктюке не сказал. Это твой режиссер!

— С ним очень интересно работать и жаль, что не работаю в его новом спектакле. У меня опять пауза. Правда, я и сам ее сделал, отказавшись в собственном театре играть Тарталью в «Принцессе Турандот».

— Пауза! Судя по количеству появлений на экране, ты очень занятый артист! Каким был первый фильм?

— На Одесской студии снялся в телевизионном фильме «Взять живым», потом по Валентину Катаеву «Я сын трудового народа» и сразу же «Экипаж машины боевой». Все — Одесса. В Питере — «Жизнь Клима Самгина» у Титова. Первая роль, которая удалась, на мой взгляд, это у Саши Зельдовича в «Мальве». Сказочная группа, замечательный режиссер. Жили на Азовском море, ели камбалу. А следующая работа у Глеба Панфилова в «Матери». Помнишь, офицер жандармерии?

— Конечно, помню, такой странный,

необычный офицер, не из тех, что гуляют из картины в картину. А был еще фильм «Посвященный» Тепцова.

— Тогда я узнал, что такое авторское кино. Очень нравилось сниматься, немного смутил результат, хотя было интересно. Знаешь, я там крутил тридцать два фузте в кадре. К сожалению, этого не видно. Я остался по пояс, с такими вытянутыми ручками. Жаль! Изумительно работал с актерами Сергей Юрский в фильме «Чернов, Чернов».

Маковецкий понравился мне в «Прорве» Ивана Дыховичного. Вот пример его кино. Есть стиль, острая форма, и актер почти гротесковыми красками раскрывает характер друга-предателя, как бы воспроизводя эстетику выражения чувств, существовавшую в то время. Я смотрел картину и думал: откуда это в нем? Помнить он ничего не мог. Из старых фильмов?

Вглядываясь в фотографии на столе, особенно в ту, что в профиль. Куда делось добродушие и некоторая абстрактность. Характер сильный, острый, конкретный проступает в профильном изображении. Мне кажется, что кинематограф видит Сергея преимущественно «в профиль». Понятно. Само искусство очень конкретное, интересующееся жизнью в формах самой жизни, выявляющее типаж и типажность даже в уникальности. Уже нет потупленного, слегка наигранного, застенчивого взгляда. Напротив, смотрит прямо, резко, даже немного агрессивно. «Профиль» меня не прости, что пишу, не видя чего-то из работ Маковецкого. Конечно, это страх мнимый, так, для «красного словца».

«Знаешь, Сергей, чего я особенно боюсь? Могу прижаться тебе, разглядывая твои фотографии. Боюсь, что в этой суе театральные и кинорежиссеры не дадут себе труда всматриваться в твой мир, раскрывать его любящему тебя зрителю и задумываться над твоим изображением на фотографиях и в профиль, и в фас, во всем множестве ликов на театральных выставках-стендах, в картонах студий. Дай Бог, им быть внимательными».

Вадим МИХАЛЕВ.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО